

УДК 94(47)(470.56)

Кудланов К.Б., кандидат исторических наук, старший преподаватель, Курская академия государственной и муниципальной службы (Россия)

МОТИВЫ ПРЕДСТОЯЩИХ «У ДЕЛ» В ЗАХВАТАХ ОДНОДВОРЧЕСКОЙ ЗЕМЛИ В XVIII СТОЛЕТИИ, КАК ИНДИКАТОР КАПИТАЛИЗМА

Статья посвящена актуальной по настоящий день теме вовлечённости чиновнического аппарата в капиталистические отношения. Исследователь пытается выявить это на основе намерения участия предстоящих «у дел» в перераспределении земельного фонда однодворцев. Цель статьи состоит в выявлении уровня проникновения «духа капитализма» в мышление предстоящих «у дел» на основе мотивов, с которыми они захватывали однодворческую землю Центрального Черноземья (далее – ЦЧ) в XVIII столетии. Задачи заключаются в: всестороннем изучении чиновнических захватов однодворческой земли для заселения и продажи; определении уровня вовлечённости власть предержащих в капиталистические отношения на основе сопоставления двух типов мотивов. В процессе работы использовались аналитико-синтетический и сравнительно-исторические методы, а также ретроспективный и историографический анализы. В исследовании автор поочерёдно описывает две группы мотивов захвата однодворческой земли. Первая соответствовала феодальной эпохе, а вторая – капиталистической. Каждая из них подразделялась на смежную и корневую подгруппы. Последняя в обоих случаях была наиболее структурирована и делилась на 3 вида. У сторонников натурального хозяйства структурирование происходило по принципу «кто заселял захваченное», а у капиталистов – по длительности соприкосновения чиновника с отобранной землёй. Вся структура основывается на исторических примерах. В ходе работы над статьёй исследователь заключает, что в умах представителей чиновнического аппарата втор. пол. XVIII в. прослеживалось столкновение мнений из разных социально-экономических формаций, при отчётливом присутствии существенных признаков капиталистического уклада. Тогда последний ещё не занимал абсолютно доминирующего положения. Однако, именно его широкое распространение в будущем и привело к видимым тектоническим сдвигам сер. XIX столетия. Следовательно, полноценному водворению того или иного уклада предшествует плавный рост общественного нарратива эпохи, к которому впоследствии и склоняется большая часть активного населения.

Ключевые слова: однодворцы, чиновники, захваты, завладение землёй, генезис капитализма, Центральное Черноземье.
DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-04-116-127

Введение. Статья посвящена исследованию ментальных предпосылок перехода от одного общественного строя к другому. Её актуальность обуславливается тем, что статья посвящена в том числе и капитализму, который занимает существенное место в настоящей действительности РФ.

Объектом исследования является однодворческое сословие. Термин однодворец для XVII в. означал служилого человека, проживавшего одним двором, т. е. без крестьян. После податных реформ нач. XVIII в. этот термин приобретает новый смысл названия сословия, сформированного из значительной части служилых людей «по отечеству» и абсолютного большинства служилых «по прибору». Для бытности XVIII в. имело место и малочисленное сословие «старых служилых людей», которое по тем или иным причинам не было зачислено при Петре I в состав однодворцев. Впоследствии «старых служилых служилые люди» войдут в число одно-

дворцев, а последние – в состав государственных крестьян [15, с. 119]. На момент 3-й ревизии 1762 г. в Белгородской и Воронежской губерниях сосредотачивалось более 85 % всех однодворцев страны, общая доля которых от всего населения России занимала менее 5 %. В этих регионах однодворцы тогда составляли более половины всех жителей и благодаря политике заказных городов, утратившей силу в нач. XVIII в., они, в своей совокупности, располагали значительными земельными пространствами [2, с. 136].

Вышесказанное обуславливает хронологические рамки исследования. Хронология статьи затрагивает весь XVIII век, на который приходится пик захватов однодворческой земли. Географический охват исследования простирается по всему ареалу основного места обитания потомков мелких служилых людей. Он занимал всю южную часть ЦЧ, т.е. территории Орловского, Курского, Воронежского и Тамбовского наместничеств согласно территориально-административной реформе Екатерины II.

Предметом исследования являются мотивы захвата однодворческой земли со стороны предстоящих «у дел». Под последним термином подразумеваются все слои чиновничества, т.е. представители разных уровней исполнительной и судебной, а также законодательной ветвей власти. Согласно штату чиновников 1802 г. в Курской губернии насчитывалось 458 государственных служащих: 54 в Губернском правлении и 404 – в Уездных. Если соотнести их численность с населением Курской губернии составлявшей в 1802 г. 1 млн. 180 тыс. человек, то очевидно недостаточное количество предстоящих «у дел». Аналогичное положение прослеживалось и в остальных регионах юга ЦЧ. И это при всём том, что «штаты 1802 г.» существенно увеличивали численность государственных служащих по сравнению с XVIII столетием [14, с. 67].

В целом, роль чиновнических захватов однодворческой земли в соотношении с широтой всего этого процесса не существенна. Это отчётливо видно из классификации различных явлений жизни потомков мелких служилых людей составленной М.Т. Белявским, который основывался на Наказах однодворцев ЦЧ в Уложенную комиссию 1767 года. В упомянутой классификации чиновническим захватам земли посвящено 9,2 % от всего внимания однодворцев в их наказах, в отличие от помещичьих завладений – 57,6 %. Однако, даже эта незначительность позволяет выявить мотивы чиновников в захвате земли потомков мелких служилых людей. Более того, узость темы исследования позволяет автору не утонуть в обилии исторического материала и сконцентрироваться на главном.

Итак, мотивы захвата обуславливались отношением чиновников к земле. «Дух времени» происходящих событий наглядно характеризовали два вида поводов, которые были распространены в среде предстоящих «у дел». Одни отбирали землю для заселения, вторые – для продажи. Первая группа захватчиков своим менталитетом соответствовали феодальной эпохе, вторая – капиталистической. Это свидетельствует о том, что в исследуемый период прослеживался стык двух социально-экономических формаций, т.е. плавный переход от натурального обращения к денежному.

Основным источником, на котором базируется исследование, является наказы однодворцев в Уложенную комиссию 1767 года.

Их составление совпадает с пиком захватов земель потомков мелких служилых людей, и источник отражает этот процесс наилучшим образом. В отечественной историографии наказы однодворцев довольно-таки хорошо изучены. Впервые они были опубликованы в Сборнике Императорского Русского исторического общества (далее – СИРИО), но там имелось их всего 5 из 78 существующих [28]. Стоит упомянуть и об изданном немного ранее «Мнении депутата от однодворцев Белгородской провинции Андрея Маслова о злоупотреблениях, производимых низшими чинами судебных мест» [24]. Из дореволюционных исследователей, изучавших Наказы, стоит упомянуть С.В. Вознесенского [4, с. 90–115], П.Г. Архангельского [1], ну и, конечно же, известного специалиста по крестьянскому вопросу В.И. Семевского [27].

Наиболее активное употребление упомянутого источника прослеживалось в сер. XX века. В это время Ф.И. Лаппо для своих исследований использовал наказы, но только Белгородской провинции [17, с. 239–259]. В кандидатской диссертации, защищённой в 1953 г. и следующей за ней статье, В.И. Недосекин рассматривал наказы Воронежской провинции [19; 20, с. 133–154]. Книга М.Т. Белявского основывалась уже на 26 наказах однодворцев со всего ЦЧ [2, с. 144]. Другие авторы, в своих трудах тоже прибегали к использованию упомянутого источника. К ним нужно отнести советских историков В.М. Проторчину [23, с. 130–135], А.П. Умрихину [29], М.Н. Дружинина [8], а также некоторых других исследователей.

В постсоветском периоде интерес к упомянутому источнику существенно поубавился. Во-первых, из-за довольно-таки хороших результатов проработки наказов в прошлом, а во-вторых, из-за прекращения изучения вопросов «классовой борьбы». Только некоторые исследователи современности, изучающие особенности однодворческой жизни, лишь вскользь упоминают об этом источнике. Например, О.М. Карамышев, Н.А. Комолов, В.В. Нечаев, а также некоторые другие [10, с. 4–12; 13, с. 65–85; 22, с. 151–171]. Таким образом, хорошая изученность наказов обуславливает отсутствие необходимости нашего обращения к их первоисточнику. Тем более, многие из них давно опубликованы в чистом виде, например, в Приложениях к труду М.Т. Белявского [2, с. 149–159].

Между тем ни один из упомянутых исследователей глубоко не разрабатывал вопрос мотивов захвата однодворческих земель у помещиков, не говоря уже о чиновниках. А упомянутая тема очень актуальна, т.к. позволяет пролить свет на тяготение элиты общества к той или иной социально-экономической формации.

Методы. Теме генезиса капитализма и определения времени его становления посвящено множество трудов. Немало в разработке отдельных сторон упомянутой проблемы сделали советские историки и экономисты, вооружённые методологией марксизма-ленинизма. Подробно обращаться к этой теме в настоящей статье мы не будем, т.к. она добротнo проработана В.И. Недосекиным, Н.М. Дружининым и Л.В. Миловым [21, с. 3–7; 9; 18, с. 351–532].

Главный недочёт материалистической марксистской методологии состоит в отсутствии учета роли духовного фактора в процессе становления новой социально-экономической системы. Это обстоятельство было исправлено в современном исследовании В.Ю. Катасонова. Последний, используя терминологию М. Веббера [3, с. 42–43], разработал довольно-таки стройную концепцию социально-экономических формаций, ставящей во главу угла именно духовный фактор [11]. По его мнению, этот самый «дух капитализма» есть не что иное, как Евангельская мамона (Лк. 16: 13), или страсть сребролюбия, которая по свидетельству ап. Павла является корнем всех зол (1Тим. 6: 10). В русле такого подхода будет очень продуктивным взглянуть на намерения захватов для выявления уровня распространения капиталистического менталитета, в первую очередь в умах просвещённого класса ЦЧ.

Помимо указанной методологии, статья базируется на принципах макро- и микроисторического анализа. Макроистория показала эффективность при выявлении участия чиновников в общем процессе перераспределения земельного фонда однодворцев ЦЧ; сужая охват исследования, микроанализ позволил включить микрообъекты (определённые примеры завладения земли предстоящими «у дел» и их мотивов) в широкий историографический контекст.

Сравнительно-исторические методы мы использовали для сопоставления намерений чиновников в отбирании земли потомков мелких служилых людей. Соединение общих и

единичных явлений позволило вписать различные поводы к захватам в канву исследуемых социально-экономических формаций. Проблемно-хронологический метод был использован в порядке рассмотрения различных примеров завладений однодворческой земли некоторыми злочестивыми чиновниками. Историко-генетический метод раскрывал изменения в менталитете захватчиков тяготевшего к тому или иному укладу жизни. Историко-типологический метод позволил рассмотреть роль чиновников в перераспределении земельного фонда подконтрольных им потомков мелких служилых людей в ретроспективе всей социально-экономической истории ЦЧ.

Результаты и их обсуждение. На конкретных исторических примерах попробуем поочерёдно описать обозначенную во введении структуру. Начнём с захватов для заселения, подразделявшихся на три подвида, а именно для: личного водворения чиновника или совместно с его поселянами, либо переселение на захваченные угодья только одних крестьян. По имущественному положению инициаторы захватов подразделялись так, что первым подвидом пользовались бедные, вторым – средние, а последним – богатые помещики. Бывали, конечно, исключения, и последние лично водворялись на однодворческую землю. Например, это случалось, когда высокопоставленному захватчику место было по душе.

Перечислим все описанные выше подвиды. Как уже указывалось, чиновники уровнем помельче, сами заселяли захваченное. Такой случай мы встречаем в шацком наказе, где однодворцы Рассыльной и Стрелецкой слобод жаловались на канцелярских служителей потому, что последние поселились в Рассыльной слободе [2, с. 95]. Другие помещики водворялись на захваченное вместе с их крестьянами. Так, однодворцы д. Свинцовой в наказе пишут, что бывший секретарь духовной консистории Белгородской епархии И.Д. Даниловский «незнаемо по каким крепостям, поселился своим помещиковым двором. И населил своих крестьян на жалованной предков наших прадедовской и дедовской помесной подгородней драгунской земли. И усиленно распашную землю пашет и вновь, где хочет, самовластно распахивает. И на сенокосах поселился своими крестьяны и вытолачивает своим скотом показанные луга, а нас до владения не допускают» [5, л. 52].

Подобный случай мы встречаем в том же карповском наказе. «Бывший Никита Борисович Вепренский в Белгороде ландратом в то время... незнаемо по каким крепостям отхватил общеизвестные наши земли в Глинске третью часть поля, в Мошиной на выгоне, на ухожих местах построил господский дом и населил слободу черкас, которого предков наших общественными землями со всеми принадлежащими угодьями... ныне внук его Сергей Иванов сын Вепренский владеет» [5, л. 51]. Итак, здесь мы наблюдаем, что чиновники не всегда продавали захваченное, а после отбирания земли могли сами её заселять вместе со своими крестьянами.

Обилие исторических примеров мы встречаем при заселении захваченной земли исключительно крестьянами. Разнообразие методов завладений с таким мотивом подразделялось на силовые и мягкие. Известно, что личные силовые захваты однодворческой земли с последующим подселением своих крестьян и подданных черкасс пронизывали все уровни губернской власти от воевод до «фурштадских команд». Так, Чугуевский воевода, подполковник А.И. Стремоухов, захватил у детей боярских 1000 дес. и у пушкарей 50 дес., поселив на этих землях своих крестьян и подданных черкасс, которые основали с. Богородицкое и хут. Лебязжий [2, с. 64].

Офицеры «фурштадской команды», писали с возмущением в своём наказе староскольские однодворцы, «на их землях» построили себе хутора и населили крестьян. Другие чиновники тоже «силой завладели» однодворческими дачами, «поселили людей своих крестьян и подданных черкас, и распрудя пруды, построили мельницы» [5, л. 83].

Следующие случаи показывают применение чиновниками мягких методов захватов для грядущего подселения их подданных. Так, в своём наказе однодворцы Конной и Пушкарской слобод г. Нижнего Ломова, писали, что «находящиеся у дел» в провинциальной и Нижнеломовской уездной воеводской канцелярии подполковник В.С. Ржевский, лесной надсмотрщик М.И. Крюков, канцеляристы М. и С. Протопоповы, Ф. Усачёв и А. Архипов незаконно купили земли однодворцев, переселившихся на новые места, после чего захватили и все прилегающие к ним угодья. Наконец, «в самых лучших... угодьях» однодворцев

Ржевский поселил две деревни своих крестьян, а Крюков – одну [2, с. 86].

Обособленно в этой группе стоят другие редкие мотивы чиновничьих захватов натурального характера. К ним нужно отнести отбирание однодворческой земли для государственных нужд. Примером этого явления может служить строительство казённых «кружечных дворов» на усадебных участках однодворцев Стрелецкой слободы г. Шацка [2, с. 95]. Ещё на территории ЦЧ встречались случаи захвата для обезземеливания своих вероятных будущих работников. Например, товарищ губернатора, бывший корочанский воевода, П. Безобразов присвоил себе пашню и угодья тех местных однодворцев, которых, используя служебное положение, принуждал работать в его хозяйстве. Терпение потомков мелких служилых людей закончилось в ноябре 1766 г., и они подали жалобу на Безобразова в губернскую канцелярию. Кстати, к тому времени последнего «за взятки» уже отстранили от должности [12, с. 201].

Итак, мы видим, что захват для заселения подразделялся на реальную нужду в земле, желание в дополнительном обогащении натуральными способами, т.е. благодаря расширению своего земельного фонда. Наказы часто описывают случаи, когда чиновники для присваивания себе чересполосных участков однодворческой земли, и не только, заводили там хутора и деревни, населяя их своими крестьянами. Это они делали для собственной хозяйственной пользы и удобства. Такие люди вполне могли заболеть идолопоклонством, но вместо денег поставить во главу угла количество приобретённых земель. Правда стоит признать, что такие стяжатели были хорошими хозяевами.

Нужно учитывать и то, что не всегда чиновники-душевладелец являлись реальными инициаторами захватов однодворческой земли. Крестьяне предстоящих «у дел» сами вполне могли быть захватчиками. Мотивы поселян в этом случае крылись в расширении собственного земельного фонда под крылом владельца для улучшения своего материального положения. Известно, что в множественной череде захватов имелись случаи, когда помещикам, а больше их малоземельным крестьянам действительно требовалась дополнительная земля. Так, у Ф.И. Лаппо мы

встречаем случай, когда помещики, соседствующие с однодворцами из с. Стаканово Ливенской округи (будущего Щигровского у.), у последних различными путями отобрали большую часть их земли. Ф.И. Лаппо установил, что к кон. XVIII в. у обиженных однодворцев осталось по 8 дес. на душу, а у соседствующих с ними помещичьих крестьян, после значительных прирезок земли – всего по 4 десятины [16, с. 311].

По подсчётам М.Т. Белявского в результате захватов помещиками 3 600 дес. в Кромском у. в сер. XVIII в. надел на 1 душу м.п. в среднем уменьшился у однодворцев только на 1 десятину. По мнению исследователя, – это было весьма чувствительно в старом, давно обжитом и густонаселённом районе [2, с. 45]. Перечисленные примеры свидетельствуют о том, что за однодворцами были закреплены крупные земельные пространства. В последней четв. XIX в. даже после окончания перераспределения земельного фонда однодворцев составители сборников статистических сведений практически повсеместно по ЦЧ отмечали лучшую обеспеченность землёй четвертных собственников, нежели бывших помещичьих крестьян [7, с. 5; 25, с. 38; 26, с. 44–47].

Таким образом, имелось две категории чиновников, которые захватывали однодворческие угодья для заселения и ведения натурального хозяйства. Первые по-настоящему нуждались в земле и к ним относились те, кто заселялся лично и вместе с крестьянами. Вторые хотели чрезмерности, т.к. болели недугом обогащения натуральными способами. К ним относилась часть водворяющихся на захваченную землю с крестьянами, а также исключительно сами поселяне без владельцев. Среди последней категории тоже встречались нуждающиеся, но в основном крестьяне, которые самовольно захватывали однодворческие угодья. Хотя они и использовали отобранное для своих нужд, но числилась земля за их владельцем, т.е. чиновником.

Перейдём к следующей группе мотивов. Её можно назвать завладение ради наживы или грабёж, либо «первоначальное накопление капитала». Причины в данном случае имелись разные. Одни захватывали однодворческую землю исключительно для выгоды, а другие – продавали отобранное против своей воли, смиряясь перед обстоя-

тельствами. Первая подгруппа подразделялась на длительность соприкосновения чиновника с отобранными угодьями. Одни вообще фигурировали в качестве захватчиков и довольствовались только барышом от сообщника, в основном помещика. Вторые становились временными хозяевами отобранной земли и вскоре её продавали. Третьи вообще предпринимали ряд мер для увеличения земельной стоимости и затем в среднесрочной или долгосрочной перспективе избавлялся от некогда отобранного. Те же, кто продавал захваченную землю по обстоятельствам, полностью зависели от случая.

В соответствии с указанной структурой распределим имеющиеся исторические примеры. Начнём с тех захватчиков, которые продавали отобранную землю не сразу, но различными мерами пытались увеличить стоимость незаконного приобретения. Населённая в 1731–1732 гг. генералом графом Дуклосом сл. Рогань в 1739 г. была продана белгородскому вице-губернатору Б.И. Пассеку. Последний, используя своё должностное положение, объявил все однодворческие земли, прилегающие к купленной им слободе, «порозжими», тем самым дополнительно примежевав к своему недавнему приобретению ещё 500 десятин. В его собственности она находилась не долго. Сразу после упомянутых незаконных прирезок, Пассек перепродал сл. Рогань княгине С.Б. Кантемир [2, с. 63]. Отношение вице-губернатора к земле как капиталу и средству для добычи дополнительных доходов очевидно.

Мгновенное извлечение наживы от захваченной земли мы встречаем в следующих случаях. «Бывший в городе Карпове воевода Андрей Федотов сын Венгеров, незнаемо по каким крепостям в селе Глинске на речке Ивне Колодези лугов отыскал на 300 копен и отдал князю Трубецкому...» [2, с. 203]. Такие же факты, где захваченные земли чиновники перепродавали помещикам, подтверждают и однодворцы Старооскольского и Вольновского уезда. Прослеживалось подобное явление и в последней четверти XVIII века. Например, подканцелярист Курского уездного суда А. Реутов в 1785 г. незаконно продал часть родовой земли однодворцев Луневых, располагавшейся в с. Высокое Обоянской округи [6, л. 4–5].

Подобный мотив прослеживалось и во время прирезок однодворческой земли помещикам через различные размежевания. Это

явление в сер. XVIII в. потомки мелких служилых людей из д. Коровиной характеризуют так: «А в прошлом 1764 году в сентябре месяце присланный в Белгородскую провинцию и в приписанные к той провинции города для измеривания и описи имеющихся диких поль и порозжих земель господин поручик Калистрат Шишкарев из... нашей жалованной земли прозывавшую Пенскую Яругу отписал в государственные дачи не знаемо для чего. Да им же, Шишкарёвым в показанной 764-м году и с ...жалованной нашей дачи по отводу карповского помещика... Дмитрия Шишкова отписано в государственные дачи 225 четвертей, нарочья по похлебству... Шишкову, только нам для единого утеснения и чтоб у него Шишкова ту [землю] с найму ежегодно брали» [2, с. 200]. Таким образом, приехавший чиновник отписал в пользу государства дачу однодворцев, после чего, видимо не без вознаграждения, её же отдал помещику. Последний, в свою очередь, начал сдавать эту землю её прежним хозяевам.

В целом, нужно отметить, что некоторые сребролюбивые помещики довольно-таки часто находили общий язык с продажными чиновниками, пользуясь услугами последних. Например, обоянские однодворцы писали, что из-за безнаказанности и поддержки администрации «иные помещики пришли в отваги». Последние «яко действительной неприятель, собрав своих вотчин крестьян с нарядным делом и ружьем, с копьями и дубьем» разорили однодворческие деревни, выгнали однодворцев с их женами и детьми, отняли у них скот, хлеб, платье и «все без остатку», а многих «на их собственных жилищах и до смерти побивали». На захваченных землях и в домах они поселили своих крепостных крестьян [2, с. 48]. Из представленного примера мы видим, что некоторые помещики тоже были заражены «духом капитализма» и ради выгоды были готовы на многое. Относительно же мгновенного извлечения наживы от захваченной земли нужно отметить, что такой подход был довольно-таки распространённым в некоторых слоях бюрократического аппарата.

Следующие чиновники соприкасались со своим незаконным приобретением на непродолжительное время. Жажда наживы настолько овладевала некоторыми захватчиками, что последние уже не считались ни с

чем. Как и в вышеприведённом случае они захватывали не только пустоши, которыми не пользовались однодворцы, но и их пашни и даже сами жилища. В 1760 г. с помощью губернатора Пушкина, путём наговора об однодворческом захвате и наглых насилий, валдмейстер Вельяминов не только отнял землю, принадлежавшую потомкам мелких служилых людей из с. Караи и д. Дурнякиной Борисоглебского у., но даже выселил их из собственных жилищ. Вскоре после этого он продал часть присвоенной земли (90 четв.) графу Р.Л. Воронцову, на которой тот поселил слободы черкас. Подобным же образом Вельяминовым была отнята земля, принадлежавшая однодворцам с. Пузево и д. Чернавки Павловского уезда [23, с. 117–118].

Задумывались ли такие захватчики о судьбе тех однодворцев, которых они выгнали из собственных жилищ? Причём речь шла не только о мужчинах, которых просто выбросили на улицу, но и женщинах с детьми, а также старшем поколении. И если прибыль для захватчика стоила слёз обиженных, которых они оставили без крова над головой и средств к существованию, то очевидно, что у такого корыстолюбца с нравственностью имелись существенные проблемы. Однако, далеко не все захватчики-капиталисты опускались до выселения однодворцев из жилищ. Всё зависело от уровня нравственного падения каждого чиновника.

Кстати, очень характерным признаком наличия «духа капитализма» является то, что итоговые злоупотребления валдмейстера Л. Вельяминова были оценены не в десятинах земли, а в 23 тысячах руб., которые там всякими способами вымучил у однодворцев [23, с. 118]. Из этого можно заключить, что чиновнику нужна была не земля, но деньги. Последние он извлекал у не имеющих капитала однодворцев, в том числе посредством незаконных земельных приобретений, по причине ведения ими в основном натурального хозяйства.

Яблоновские однодворцы в своём наказе писали, что команды «отняли у них земли и угодыями завладели и разным помещикам все наши однодворческие земли уже от имени своего продавали» [5, л. 46–47]. Историк А.Г. Слюсарский в «Ведомостях о землях Салтовской сотни 1749 г.» обнаружил, что исполняющий должность товарища Белго-

родского губернатора Богдан Иванович Пасек в 1739 г. незаконно завладел 10 тысячами десятин в Салтовской сотне, 1 250 дес. – в 1-й Харьковской сотне, а также неопределённое количество земли в Волчанской и 2-й Харьковской сотнях. Всё отобранное вскоре перепродавалось [12, с. 158].

Такая активная купля-продажа захваченного имела свои, известные потомкам мелких служилых людей, предпосылки. В вольновском наказе пространно изложены законы, запрещающие приобретение однодворческой земли помещиками и местными чиновниками (пункт 7) [5, л. 77]. Основных запретительных законодательных актов было два. Первый исключительно касался чиновников, а второй затрагивал последних в качестве составной категории дворянского сословия.

Первый, по свидетельству Ф.И. Лаппо, запрещал лицам, вращающимся «у дел», приобретать землю в тех местах, где они служили. Однодворцы об этом знали, поэтому в своих наказах специально выделяли эту группу захватчиков [5, л. 54]. Второй законодательный акт в карповском наказе однодворцев из дер. Свинцовой описан так: «До 1727 года по запретительным высочайшим указам о непродаже и непокупке однадворческих помещикам земель» [2, с. 218]. Напомним, что этот Указ приняли Верховным Тайным советом 14 августа 1727 г. и он запрещал покупать земли у однодворцев Белгородской и Воронежской губерний [5, л. 55]. Последний законодательный акт здесь мы привели потому, что многие захваты начинались именно с первоначальной покупки.

Таким образом, оба эти запретительных законодательных акта ускоряли процесс купли-продажи однодворческой земли в кругах тех, кто относился к ней как средству обогащения. Первый узкоспециализированный закон торопил захватчика поскорее избавиться от греховного приобретения. Второй в среде чиновничьего аппарата предоставлял поле для методов злоупотреблений. Один из них, например, описан в курском наказе: «... У однодворцев и у их жен и дочерей и с тех земель немалое число четвертей покупали, иминуя оных помещиками, на свои и посторонние имена» [5, л. 76]. Другой метод хорошо описан у В.М. Проторчиной. Он состоял в том, что один вышестоящий чиновник

заставлял своих подчинённых составить фиктивную купчую о продаже ему однодворческой земли, которая «якобы» им принадлежала [23, с. 117–118]. Имелись и другие методы, но настоящее исследование не ставит перед собою цель все их огласить.

Итак, захваты для последующего сбыта подразделялись на продажу захваченной земли преднамеренную и по нужде. К последней относились различные обстоятельства, например, страх перед угрозой увольнения из-за наличия собственности в тех уездах, где служили чиновники или из-за опасения воспоминаний соседствующих обиженных однодворцев. Ведь последние действительно много жаловались, и при первой возможности эти сведения о захвате могли всплыть наружу и навредить последующей карьере чиновника. К тому же далеко не у всех предстоящих «у дел» была возможность самим её обрабатывать, а захват – дело более простое. Поэтому для первоначального накопления капитала нетвёрдые в нравственности чиновники иногда пользовались представившимся случаем.

Другая же категория предстоящих «у дел» явно была заражена «духом капитализма». Такие к захватам с помощью своего служебного положения относились холодно и расчётливо, как к ремеслу. Именно они и являлись инициаторами создания вакуума чиновнических злоупотреблений. Последняя категория захватчиков для государственной жизни была наиболее опасна и в основном неисцелима. Даже при совершенствовании системы управления такие люди не прекращали своих преступлений, но притаивались для изобретения методов новых злоупотреблений. К сожалению, в итоге они эти лазейки находили.

Скорость перепродажи у умышленных капиталистов была разная (мгновенная, после захвата или после вложений в присвоенное). Очевидна взаимосвязь между длительностью нахождения земли у захватчика и его прибылью. Чем дольше отобранное находилось в руках последних, тем увеличивались инвестиции в имение и возрастали риски отстранения чиновника от должности с последующей конфискацией имущества. От последних факторов в пропорциональной прогрессии и возрастала прибыль с когда-то захваченного имения.

Заключение. Итак, в ходе нашего исследования мы выявили важные черты мента-

литета чиновников-захватчиков. Среди последних во втор. пол. XVIII столетия таких образов мышления имелось два. Первый тяготел к натуральному хозяйству, склоняясь к феодальному строю, а второй – к финансам, являясь сторонником новой капиталистической формации. Две крупных группы подразделялись на стержневую и смежную подгруппы. Стержневая была наиболее предана основному идеалу эпохи, а смежные по тем или иным причинам вмещали в себя признаки обеих формаций с доминированием той в которой находились.

Наиболее структурированные были стержневые подгруппы. Последняя у сторонников натурального хозяйства делилась ещё на три вида, по принципу «кто заселял захваченное». А именно для водворения чиновника личного или совместного с поселянами, а также переселение на захваченные угодья только одних крестьян. Стержневая подгруппа капиталистов также подразделялась на три вида, по принципу длительности соприкосновения чиновника с отобранной землёй. Одни фигурировали в преступлениях только как захватчики, довольствуясь барышом от сообщника. Вторые сбывали отобранное после его регистрации на своё имя. Третьи оставались собственниками более долгое время, т.к. перед продажей захваченного предпринимали ряд мер для увеличения стоимости земли.

Степень заражения «духом капитализма» у всех была разная. При захватах земля лучшим индикатором этого уровня являлся нравственный порог, который ради прибыли были готовы преступить чиновники. Задумывались ли захватчики-капиталисты о судьбе тех однодворцев, которых они выгоняли из собственных жилищ? Причём речь шла не только о мужчинах, но и о женщинах с детьми, а также старшем поколении. К тому же такие рейдерские захваты нередко заканчивались смертоубийствами. А если прибыль для захватчиков стоила слёз обиженных, которых они оставили без крова над головой и средств к существованию, то очевидно, что у такого корыстолюбца с нравственностью имелись серьёзные проблемы. Правда, подобное отношение к прибыли являлось крайностью, и у каждого чиновника этот порог падения был разным. Например, многие сторонники натурального ведения хозяйства или их крестьяне специализировались на захватах

необработанных пустошей, лежащих у однодворцев про запас. Следовательно, упомянутый нравственный порог состоял в том, что одни отбирали у потомков мелких служилых людей лишнее, а другие – необходимое.

Само преступление объединяло смежные группы. Ведь захват, по его близости к категории сребролюбивых грехов, в каком-то плане можно считать капиталистической мерой, осуществляемой феодальными методами. Отсюда вытекала схожесть и мобильность между смежными подгруппами двух эпох. Предпринимая противозаконный захват даже для последующего пользования, чиновник уже был привержен жажде обогащения, только натуральными способами. Впоследствии такой человек мог окончательно заболеть идолопоклонством, но вместо денег поставить во главу угла количество приобретённых земель. Следовательно, среди сторонников феодальной эпохи тоже имелись носители «духа капитализма». Аналогично и в противоположной группе встречались и такие, кто продавал захваченное по необходимости, без личного желания. Они хотели бы вести хозяйство, но на кону стояла должность. Или вообще, по причине собственной маломочности, не имели возможности осуществить задуманное. Описанное свидетельствует о сложности исторических процессов, обуславливающей то, что в определённое время в чистом виде не существовало ни одной социально-экономической формации. Последние всегда накладывались друг на друга внахлест.

Между упомянутыми смежными группами имела подвижность. Например, когда чиновники «обеляли отобранное». Одну землю они захватывали для продажи, а на вырученные деньги, без рисков для своей службы, уже покупали себе именья в других уездах. Такое первоначальное накопление капитала для последующего ведения хозяйства показывает подвижность мотивов двух социально-экономических эпох. Аналогично могли переходить в соседнюю группу и чиновники-стяжатели натуральными способами. Ведь известно, что богатства много не бывает, а страсти и запросы растут. Следовательно, то чем довольствовался чиновник в одно время, могло не хватать ему в следующем жизненном отрезке. От этого смещался порог нравственности в захватах, и протекала подвижность между группами мотивов.

Из представленного можно заключить, что каждая социально-экономическая формация имеет свою главную внутреннюю духовную пружину. И если пассионарность капиталистической эпохи крылась в сребролюбии и его производных страстей (мздоимстве, корыстолюбии, воровстве и т.д.), то внутренняя пружина феодального уклада, на наш взгляд, состояла в гордости с её различными порождениями (властолюбии, тщеславии и т.д.). Последние приоритеты служили нематериальным идеалам, а первые – плотским. Конечно, это не говорит о том, что в феодальную эпоху не было людей больных сребролюбием, т.к. они имелись, как и признаки любой другой социально-экономической формации среди господствующей. Полноценное водворение того или иного уклада можно оценить по общественному нарративу, к которому склоняется большая часть населения.

Судя по мотивам чиновников в захватах однодворческой земли в XVIII в. можно сказать, что в их среде действительно прослеживался генезис капитализма. Ведь согласно

представленным в статье материалам чиновники-капиталисты количественно преобладали практически в два раза. Несмотря на это, совершенно доминирующего положения тогда упомянутая формация ещё не занимала. Ведь сами по себе захваты являлись принудительным воровством, которое относилось к группе сребролюбивых грехов. И если даже в этой категории, по своей сути уже капиталистической, имелись чиновники, которые, вопреки законам, оставляли за собой захваченные земли, то это свидетельствует о ещё сильных началах распространения натурального хозяйства в XVIII столетии. Со временем количество носителей «духа капитализма» ещё увеличивалось, что и привело к тектоническим социально-экономическим сдвигам сер. XIX столетия. Следовательно, полноценному водворению того или иного уклада предшествует плавный рост общественного нарратива эпохи, к которому впоследствии и склоняется большая часть активного населения.

Список литературы

1. Архангельский П. Г. Погостные наказания, как исторический источник. Казань: Типо-лит. Имп. Ун-та, 1916. 50 с.
2. Белявский М. Т. Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.). М.: Изд-во Московского университета, 1984. 268 с.
3. Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд., доп. и испр. М.: РОССПЭН, 2006. 648 с.
4. Вознесенский С. В. Городские депутатские наказания в Екатерининскую комиссию 1767 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1909 (11). С. 90–115.
5. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69.
6. ГАКО. Ф. 114. Оп. 1. Д. 610.
7. Добротворский Н. А. Промыслы и внеземледельческие занятия крестьян центрального района. Курск: Тип. Губ. Земства, 1885. 228 с.
8. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1946. 633 с.
9. Дружинин Н. М. Генезис капитализма в России. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1955. 79 с.
10. Карамышев О. М. О приобретении однодворцами потомственного дворянского достоинства Российской Империи // Проблема признания и утверждения в правах российского дворянства высших сословий народов Российской Империи и иностранных дворян. СПб.: ВИРД, 1997. С. 4–12.
11. Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М.: Институт русской цивилизации, 2013. 1072 с.
12. Колотушкин А. А. Белгородская губернская администрация: регламент, состав и основные направления деятельности (1727–1779 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2015. 245 с.
13. Комолов Н. А. Однодворцы Воронежской губернии губернаторских проектах середины 1760-х годов // Общественное движение и культурная жизнь Центральной России XIV–XX веков: Сб. науч. трудов. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2006. С. 65–83.
14. Кудланов К.Б. Бюджет бюрократического аппарата губернского и уездных правлений в

первой четверти XIX в. (по материалам Курской губернии) (статья) // Историко–психологические аспекты бюрократии: Материалы XXXVI междунар. науч. конф. СПб.: Полтораки, 2014. С. 61–67.

15. Кудланов К.Б. Миграция однодворцев из сел в города Центрального Черноземья в XVIII веке. *Via in tempore. История. Политология.* Т. 50, № 1. 2023. С. 118–129.

16. Лаппо Ф. И. Восстание однодворцев села Стаканово в 1776 г. // Исторические записки. Т. 44. М., 1953. С. 306–319.

17. Лаппо Ф. И. Наказы однодворцев как исторический источник // Исторические записки. Т. 35. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950. С. 239–259.

18. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд. Доп. М.: РОССПЭН, 2006. 568 с.

19. Недосекин В. И. Наказы в Законодательную комиссию 1767 г. от Воронежской губернии как исторический источник: (К вопросу о формировании капиталистического уклада в Черноземной губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1953. 278 с.

20. Недосекин В. И. Обострение борьбы за землю между помещиками и однодворцами Воронежской губернии в середине XVIII в. // Известия Воронежского пединститута. Т. XIX. Воронеж: 1-я тип-я Воронежского Облуправления культуры, 1955. с. 133–154.

21. Недосекин В. И. Социально-экономическое развитие Черноземного Центра России во второй половине XVIII века. Дис. ... докт. наук. М., 1967. 680 с.

22. Нечаев В. В. О месте однодворцев Черноземья в структуре служилого сословия России XVII – XVIII веков // *Filo Adriadne.* № 2. 2022. С. 151–171.

23. Проторчина В. М. К истории воронежских однодворцев в XVIII веке // Известия Воронежского пединститута. Т. XIX. Воронеж: 1-я тип-я Воронежского Облуправления культуры, 1955. с. 130–135.

24. Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – СИРИО). Т. XIV. СПб., 1875. с. 105–139.

25. Сборник Статистических сведений по Тамбовской губернии. Шацкий уезд. Т. 6. Тамбов, 1898. 205 с.

26. Сборник статистических сведений Тамбовской губернии. Моршанский уезд. Т. 9. Тамбов, 1882. 442 с.

27. Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. II. СПб.: Тип-я М.М. Стасюлевича, 1901. 865 с.

28. СИРИО. Т. CX–LIV. СПб., 1914. с. 296–322.

29. Умрихина А. П. Положение крестьян и их борьба против крепостного строя в белгородской губернии во второй половине XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. Харьков, 1973. 243 с.

THE MOTIVES OF THE OFFICIALS IN THE CONQUESTS OF THE SMALLHOLDERS LAND IN THE XVIII-TH CENTURY, AS AN INDICATOR OF CAPITALISM

Bureaucratic involvement in capitalist relations is a topic that is relevant to the present day. The researcher is trying to identify this on the basis of the intention of the government officials in the redistribution of the land fund to one-courtyard people. The purpose of the article is to identify the level of penetration of the «spirit of capitalism» into the thinking of the officials on the basis of the motives with which they seized the smallholder's land of the Central Chernozem region in the XVIII-th century. The objectives are: a comprehensive study of bureaucratic seizures of one-courtyard people's land for settlement and sale; determining the level of involvement of those in power in capitalist relations based on a comparison of two types of motives. In the process of the work, analytical-synthetic and comparative-historical methods, as well as retrospective and historiographical analyses. In the study, the author alternately describes two groups of motives for the seizure of one-courtyard people's land. The first corresponded to the feudal era, and the second to the capitalist era. Each of them was subdivided into adjacent and root subgroups. The latter, in both cases, was the most structured and was divided into three types. Among the supporters of subsistence farming, the division took place according to the principle “who settled what was captured”, and among the capitalists, according to the duration of contact of the official with the selected land. The whole structure is based on historical examples. In the course of working on the article, the researcher concludes that in the minds of the bureaucracy in the second half of XVIII-th century, there was a clash of opinions from different socio-economic formations, with a distinct presence of essential signs of the capitalist way of life. At that time, capitalism did not yet occupy in public opinion an absolutely dominant position. However, it was its wide distribution in the future that led to visible tectonic shifts in the middle of the XIX century. Consequently, the full-fledged establishment of one way or another is preceded by the gradual growth of the social narrative of the era, to which the majority of the active population subsequently inclines.

Keywords: one-courtyard people, smallholders, officials, conquests, possession of land, the genesis of capitalism, Central Chernozem region

References

1. Arkhangel'skiy, P. G. (1916). Pogostnyye nakazy, kak istoricheskiy istochnik [Churchyard orders as a historical source]. Kazan': Tipo-lit. Imp. Un-ta. 50 p.
2. Belyavskiy, M. T. (1984). Odnodvortsy Chernozem'ya (po ikh nakazam v Ulozhennuyu komissiyu 1767–1768 gg.) [One-courtyard people from the Central Chernozem region (according to their orders to the Legislative Commission 1767–1768)]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta. 268 p.
3. Veber, M. (2006). Izbrannoye: protestantskaya etika i dukh kapitalizma [Favorites: Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism]. 2nd ed., add. and correct. Moscow: ROSSPEN. 648 p.
4. Voznesenskiy, S. V. (1909). Gorodskiye deputatskiye nakazy v Yekaterininskuyu komissiyu 1767 goda [City deputy orders to the Catherine's Commission of 1767]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of National Education]*. No 11. pp. 90–115. (In Russian)
5. Gosudarstvennyy' arxiv Kurskoj oblasti [State Archive of the Kursk Region] (GAKO). F. R30. Op. 1. D. 69.
6. GAKO. F. 114. Op. 1. D. 610.
7. Dobrotvorskiy, N. A. (1885). Promysly i vnezemledel'cheskiye zanyatiya krest'yan Tsentral'nogo rayona [Crafts and non-agricultural activities of the peasants of the Central region]. Kursk: Tip. Gub. Zem. 228 p.
8. Druzhinin, N. M. (1946). Gosudarstvennyye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva [State peasants and the reform of P.D. Kiseleva]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo Akad. Nauk SSSR. 633 p.
9. Druzhinin, N. M. (1955). Genezis kapitalizma v Rossii [Genesis of capitalism in Russia]. Moscow: Izd.-vo Akad. Nauk SSSR. 79 p.
10. Karamyshev, O. M. (1997). O priobretenii odnodvortsami potomstvennogo dvoryanskogo dostoinstva Rossiyskoy Imperii [On the Acquisition of the Hereditary Nobility of the Russian Empire by One-Courtyard People]. *Problema priznaniya i utverzhdeniya v pravakh rossiyskogo dvoryanstva vysshikh sosloviy narodov Rossiyskoy Imperii i inostrannykh dvoryan [The Problem of Recognizing and Establishing the Rights of the Russian Nobility of the Upper Classes of the Peoples of the Russian Empire and Foreign Nobles]*. St. Petersburg: VIRI. pp. 4–12.
11. Katasonov, V. YU. (2013). Kapitalizm. Istoriya i ideologiya «denezhnoy tsivilizatsii» [Capitalism. History and ideology of "monetary civilization"]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii. 1072 p.
12. Kolotushkin, A. A. (2015). Belgorodskaya gubernskaya administratsiya: reglament, Sostav i osnovnyye napravleniya deyatelnosti (1727–1779 gg.) [Belgorod provincial administration: regulations, composition and main activities (1727–1779)]: PH dissertation in History. Belgorod. 245 p.
13. Komolov, N. A. (2006). Odnodvortsy Voronezhskoy gubernii gubernatorskikh proyektakh serediny 1760-kh godov [One-courtyard people of the Voronezh province in the gubernatorial projects of the mid-1760s]. *Obshchestvennoye dvizheniye i kul'turnaya zhizn' Tsentral'noy Rossii XIV–XX vekov: Sb. nauch. Trudov [Social movement and cultural life of Central Russia in the XIV–XX centuries: Sat. scientific works]*. Voronezh: VGU Publishing House. pp. 65–83.
14. Kudlanov, K. B. (2014). Byudzhety byurokraticheskogo apparata gubernskogo i uyezdnnykh pravleniy v pervoy chetverti XIX v. (po materialam Kurskoj gubernii) [The budget of the bureaucratic apparatus of the provincial and district boards in the first quarter of the 19-th century (based on materials from the Kursk province)]. *Istoriko-psikhologicheskiye aspekty byurokratii: Materialy XXXVI mezhdunar. nauch. Konf [Historical and psychological aspects of bureaucracy: Materials of the XXXVI international. scientific conf.]*. St. Petersburg: Poltorak. pp. 61–67.
15. Kudlanov, K. B. (2023). Migratsiya odnodvortsev iz sel v goroda Tsentral'nogo Chernozem'ya v XVIII veke [Migration of one-courtyard people from villages to cities of the Central Chernozem Region in the XVIII-th century]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya [Via in tempore. History. Political science]*. Vol. 50, № 1. C. 118–129.
16. Lappo, F. I. (1953). Vosstaniye odnodvortsev sela Stakanovo v 1776 g. [The uprising of the one-courtyard people of the Stakanovo village in 1776]. *Istoricheskiye zapiski [Historical notes]*. Moscow: Publ. House Academy of Sciences USSR, Vol. 44. pp. 306–319.

17. Lappo, F. I. (1950). Nakazy odnodvortsev kak istoricheskiy istochnik [The Orders of the one-courtyard people as a Historical Source]. *Istoricheskiye zapiski [Historical notes]*. Vol. 35. Moscow: Publ. House Academy of Sciences USSR. pp. 239–259.

18. Milov, L. V. (2001). Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa [Great Russian plowman and features of the Russian historical process]. Moscow: ROSSPEN. 573 p.

19. Nedosekin, V. I. (1953). Nakazy v Zakonodatel'nyuyu komissiyu 1767 g. ot Voronezhskoy gubernii kak istoricheskiy istochnik: (K voprosu o formirovaniy kapitalisticheskogo uklada v Chernozemnoy gubernii) [Orders to the Legislative Commission of 1767 from the Voronezh province as a historical source: (On the formation of the capitalist way of life in the Chernozem province)]: PH dissertation in History. Voronezh. 278 p.

20. Nedosekin, V. I. (1955). Obostreniye bor'by za zemlyu mezhdru pomeshchikami i odnodvortsami Voronezhskoy gubernii v seredine XVIII v. [The aggravation of the struggle for land between the landowners and one-courtyard people of the Voronezh province in the middle of the XVIII-th century]. *Izvestiya Voronezhskogo pedinstituta [Proceedings of the Voronezh Pedagogical Institute]*. Vol. XIX. Voronezh, 1-st Print. house of the Voronezh Regional Directorate of Culture. pp. 133–154.

21. Nedosekin, V. I. (1967). Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Chernozemnogo Tsentra Rossii vo vtoroy polovine XVIII veka [Socio-economic development of the Central Chernozem region of Russia in the second half of the XVIII-th century]: PhD dissertation in History. Moscow. 680 p.

22. Nechayev, V. V. (2022). O meste odnodvortsev Chernozem'ya v strukture sluzhilogo sosloviya Rossii XVII – XVIII vekov [On the place of the one-courtyard people of the Chernozem region in the structure of the service class of Russia in the XVII-th–XVIII-th centuries]. *Filo Adriadne*. No. 2. pp. 151–171.

23. Protorchina, V. M. (1955). K istorii voronezhskikh odnodvortsev v XVIII veke [On the history of Voronezh one-courtyard people in the XVIII-th century]. *Izvestiya Voronezhskogo pedinstituta [Proceedings of the Voronezh Pedagogical Institute]*, Vol. XIX. Voronezh: 1-st Print. house of the Voronezh Regional Directorate of Culture. pp. 107–133.

24. Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva [Collection of the Imperial Russian Historical Society] (SIRIO), (1875). Vol. XIV. St. Petersburg. pp. 105–139.

25. Sbornik Statisticheskikh svedeniy po Tambovskoy gubernii. Shatskiy uyezd. [Collection of statistical information on the Tambov province. Shatsky district], (1898). Vol. 6. Tambov. 205 p.

26. Sbornik statisticheskikh svedeniy Tambovskoy gubernii. Morshanskiy uyezd [Collection of statistical information of the Tambov province. Morshansky district], (1882). Vol. 9. Tambov. 442 p.

27. Semevskiy, V. I. (1901). Krest'yane v tsarstvovaniye imperatritsy Yekateriny II [Peasants in the reign of Empress Catherine II]. Vol. II. Snt. Petersburg: Tip-ya M.M. Stasyulevicha. 865 p.

28. SIRIO, (1914) Vol. CX–LIV. Snt. Petersburg. pp. 296–322.

29. Umrikhina, A. P. (1973) Polozheniye krest'yan i ikh bor'ba protiv krepostnogo stroya v belgorodskoy gubernii vo vtoroy polovine XVIII veka [The situation of the peasants and their struggle against the serfdom in the Belgorod province in the second half of the XVIII-th century]: PH dissertation in History. Khar'kov. 243 p.

Об авторе

Кудланов Константин Борисович – кандидат исторических наук, председатель молодежной секции Курского отделения РОИА (Россия), E-mail: kudlanov777@mail.ru

Kudlanov Konstantin Borisovich – PhD (History), chairman of the youth section of the Kursk branch of the ROIA (Russia), E-mail: kudlanov777@mail.ru